

Персона

Здесь был Вася. Аксенов.

Аксенов, говоря банально, это наше все. Когда-то его читали, молодые и не очень, общались исключительно на языке «Затворенной бочкотары», «Звездного билета», «Апельсинов из Марокко». Чуть позднее перебрались читателями из «Поисков жанра», «Остров Крым» стал настольной книгой практически у всего читающего населения одной шестой части суши. После него не-

остров Крым превратился в культовое место, а сам Василий Аксенов стал объектом любви, страсти, ненависти, споров, критики и, наконец, окончательного и не подлежащего обжалованию признания: «Аксенов», как написала в свое время одна газета, «патриарх русской словесности». Это не избавило его ни от негативной критики (и «Московская сага», и последний роман «Но-

вый сладостный стиль» литераторами были восприняты совсем не так, как читателями), ни от любви (патриархов любить не принято, перед ними преклоняются или их отвергают). Впрочем, и это характерно, талант, остроумие, независимость от своей славы и чужого мнения, безукоризненное чувство стиля (что тоже мало свойственно оброн-

Блицопрос

— Сейчас проблема «писатель и власть» актуальна?
— Всегда актуальна. А как же иначе? Власть занимается властью, писатель — писательством.
— Василий Павлович, на что вы соблазняетесь народом?
— На чтение, на разные сторонние мысли.
— Чтение — грех небольшой.
— О, ну что вы... Это большой грех. Творчество вообще греховно. Весь человеческий род греховен. Мы все живем как результат первичного греха.
— Писателю нужен мобильный телефон?
— У меня есть, но я долго сопротивлялся.
— Почему?
— Надо все-таки держать последнюю линию обороны... Жили же раньше без них. И без вэйлов, и без компьютеров. Когда мы приехали в Америку, не было вообще никаких компьютеров.
— Как вы пишете?
— Вообще-то пером, а второй вариант уже на компьютере.
— Почему вы назвали свою собаку Пушкин?
— Это не я, это Майя (жена Василия Аксенова. — А.К.). Она увидела его на Арбате, он крошечный такой сидел и на нее смотрел. Она ахнула: «Боже, да это же Пушкин!»

— Вы часто приезжаете в Россию?
— Два раза в год. Один раз на зимние каникулы, второй — на лето.
— Для вас Москва — это дом или каникулы?
— Родина. Но не дом. Родина — это где ты родился, а дом — где живешь.
— С достоверностью получился?
— Еще не знаю, роман пока никто не читал. Но, по-моему, здорово получилось. Разумеется, недостоверно в смысле реализма, но достоверно в смысле метафоричности.
— Вам не кажется, что эпоха еще не настолько остыла, чтобы можно было о ней писать?
— Но она и не должна остывать. Я хочу подвести какие-то итоги этого хронологического периода, хотя там все время говорят о тишине хронологии и людских утрат.
— Тщетность людских утрат — ваши личные ощущения?
— Нет, я пытаюсь осмыслить

— Вы согласны с определением: «Василий Аксенов — патриарх»?
— Да, я — патриарх... Мафусаил... Не заметил, как стал.
— И как было Мафусаилом, Василий Павлович?
— Очень сложно.
— А что так?
— Потому что спрос очень большой. У патриарха не должен звонить телефон, а у меня постоянно.

— Это плохо?
— Я привык к уединенной жизни в Америке. Живу на опушке леса. Если звонят, то умеренно. Сумасшедшего дома, как в Москве, нет. Не ожидал такого. Обычно бывает много звонков, но на этот раз просто обвал...

— Неприятно, что вас любят?
— Не думаю, что это — проявление любви. Это какой-то странный интерес. Не литературный. Литературой мало кто интересуется. В основном это связано с политическим подтекстом...

— Российская политика вас не интересует?

— До определенной степени. Я не такой уж лусканный житель. Считаю своей обязанностью участвовать в политике России. Здесь, как выясняется, на меня спрос как на представителя кого-то. А кого точно, я не могу понять. Но это мой гражданский долг, я должен участвовать не в политической, но в общественной жизни и России, и Америки. В тех пределах, в которых нахожусь, хотя в США от меня многого не требуют. И в отношениях между этими странами, поскольку я — и там, и там.

— А где вас больше?
— Ни здесь, ни там. Я — за своим письменным столом, в одиночестве...

— География не важна?
— Нет, мой стол — там. Здесь не пишется. Нет вдохновения. Все время какая-то трясучка, связанная с ажиотажем, с вопросами, телефонными звонками. «А что вы думаете о 95-летию Шолохова?» Иногда чувствуешь себя чем-то вроде дамы-профессионалки. Сидишь и принимаешь клиентов.

— А... дивиденды?
— Больше... Внимание к книгам.

— Однако то, что вы поддерживаете войну в Чечне и не подписали письмо против нее, устраивает далеко не всех.

— Россия посылает в Чечню войска, чтобы избавиться от дестабилизирующего элемента, от банды, которая захватила власть в этом регионе. А администрация «Пена» настроена в духе усталости западной политкорректности. При этом выработается двойной стандарт, много лицемерия. Особенно меня раздражает выступление Понтера Грасса. Он явно пришел с идеей просветить дремлющие умы варварского царства. Так уже было в 1986 году в Нью-Йорке на Пен-клубе, где мне пришлось с ним столкнуться. Он и еще несколько немцев пытались всех убедить, что Америка — такое же тоталитарное государство, как и Советский Союз. Американские писатели испугались. А я сказал, что на месте немцев поостережусь бы ставить знак равенства. Будучи человеком, изгнанным из своей страны, я знаю, что из Советского Союза люди пытаются убежать, а в Америку бежать. Это вызвало бурный всплеск конференции. Затем они начали собирать подписи под письмом против американского вмешательства в дела Никарагуа. А я уже высказывался против никарагуанских гандов, вроде как по чеченским канонам. И ко мне подошел Аллен Гинсбург: «Почему ты отказываешься? Все подписали. Смотри, какие имена! Все подписали! Я не первый раз сталкиваюсь с этим стадным мышлением творческой интеллигенции. Оставаясь нади-

не со своим столом, каждый — свободно мыслящий человек. Вместе — подчиняются стадному инстинкту. На конгрессе Пен-клуба я выступал не против Понтера Грасса, он в данном случае был для меня олицетворением этого лицемерия. Он — эталон прусский фельдфебель, который хочет всех построить, потому что знает, куда надо маршировать. Ему все равно, какой флаг развевается над Москвой: красный или трехцветный. А для нас это — содержание всей жизни. И я не хочу, чтобы он был уничтожен из-за какой-то бандитской группы.

— Значит, вы поддерживаете все действия нынешней власти?

— Вообще нет. Если вижу что-то, на мой взгляд, неправильное, высказываюсь совершенно в обратном духе. Как, например, было с ситуацией вокруг «Моста». Она, конечно, не вполне ясная, но я считаю, что на всякий случай нужно потрогать кричать. Потому что вполне возможно, что это проверка на предмет закручивания гаск. Я даже иногда думаю, что, может быть, это дислокация власти так влияет... Кремль — злобная в историческом смысле крепость. Под ним масса тайных ходов-слухов, бог знает, что там творится, что там происходило. И когда человек выезжает в Кремль, тот начинает на него влиять. Я считаю, верховной власти страны надо уйти из Кремля, а туда перебраться Думу или Совет Федерации. Исполнительная власть должна быть более открытой.

— Вы читаете себя на других языках?

— Я даже соучастник английского перевода. Работаю над каждой фразой вместе с переводчиком. На других языках, конечно, не читаю, но английские переводы перечитываю. Изображаю американского читателя.

— Получается?

— Да. Даже пытаюсь представить, к какому бы круту читателю себя отнес. И мне кажется, что я отношусь к довольно узкому кругу читателей — любителей писателя Аксенова. Пытаюсь понять, что это, который к нам приехал, о нас пишет. «Новый сладостный стиль» — целиком американский роман. Хотя главный герой — русский, но много американских героев, действие происходит в Америке. Даже в одном журнале написали, что это — «great american novel».

— Так что вы plainly ушли в американскую литературу.

— Это не значит, что я и дальше собираюсь писать об Америке. Тот роман, над которым сейчас работаю, почти заканчиваю, не американский. Возврат в российскую проблематику, но переплетенную со всем миром. Этот роман возник лет за двенадцать до того, как я начал писать. Я иногда думаю о нем, но ничего не записывал, а потом вдруг понял, что готов. Появилась то одна идея, то другая... Начинаешь писать, не зная, куда все пойдет. Затем случается романовый воздух, он начинает вибрировать, им дышишь и уже видишь, в какую сторону все потащится.

— В прежних своих вещах вы довольно часто разделяли любовь и секс. Однако в «Новом сладостном стиле», похоже, пришли к другому выводу.

— В любви есть что-то и от того, и от другого. С приближением смерти секс переходит в вечного своего антагониста — любовь небесную, ничего не требующую и почти не нуждающуюся в присутствии того, кого любишь. Поэтому одна из главных тем этого романа — любовь земная, любовь небесная. Когда Алекс (Алекс Корбах, главный герой романа «Новый сладостный стиль». — А.К.) приближается к смерти, он начинает испытывать к Норе вы-

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

сокие чувства, несмотря на то что секс остается. Нора для него и Бетриче, и проститутка.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам. Но в Алекс есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный стиль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом. Другая важная тема — это еврейство и еврейские корни.

— Не боялись писать так подробно и на такую болезненную в этой стране тему?

— Нет, я пытаюсь осмыслить

Герой дня без галстука и босиком

Чу! Грядет метачеловек

Охотники на привале

Идентификация: 1 — Евгений Попов, 2 — Василий Аксенов

Пресс прессы

«Аксенов есть Аксенов есть Аксенов»

«Новый мир», № 1, 1998

«Однако литература представляла из себя только самый заметный слой из жизни ее автора. То, чем занимался Аксенов, было куда как сложнее и грандиознее: из книг, написанных и прочтенных, из женщин, которых любил он и которые любили его, из всякого хлама, пресловутого ахматовского «сора», из неповторимости собственной жизни — он создавал свой стиль. В этих поисках «правильная» рубашка или ботинки значили не меньше, чем удачно найденная метафора или верно переданное слово».

«Завтра», № 8, 1995

«Лезет, к примеру, самый оголтелый западник, тот же Василий Аксенов, во все американские щели. А ему укорот дают: русский, знай свое место. Поневолле патриотом станешь... Аксенов не заискивает перед заезжими знаменитостями типа Понтера Грасса, поразившего всех своих русофобским выступлением. Вот и приходится Аксенову открыто противоречить, чего не решаются делать наши осторожные писатели, боясь обвинений в реакционности. Вот и приходится писателю, проживающему в Америке, отвечать в духе передовой газеты «Завтра», соревнуясь с Александром Прохановым в резкости выражений...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Новое время», август 1995

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000

«Василий Павлович как-то в последнее время постоянно присутствует в нашей реальности, даже физически в ней отсутствуя...»

«Завтра», № 13, 2000